

Городишко Александров, как и все провинциальные городки недалеко от Москвы, обычно плавает в сонной истоме. Вся жизнь — в бурной и кипучей Москве. Здесь же — пыльные улочки с асфальтом в трещинках, длинные ряды заборов из штакетника, разноцветье флоксов в палисадниках. Из местных достопримечательностей — музей Марины Цветаевой. В остальном — сонное царство.

А ведь когда-то город Александров гудел как пчелиный улей, пригородные электрички регулярно доставляли на привокзальную площадь очередную толпу «паломников», но паломников не к дивной красоты церквушке, а к обычному земскому врачу, простите, обычному врачу обычной советской поликлиники — Масленникову Сергею Никитичу.

Те 50-е годы XX века очевидцы и старожилы-александровцы помнят хорошо: очередь к дому врача выстраивалась на километр. Ожидание растягивалось на несколько дней, люди снимали комнатухи и койки у местных жителей, кто-то ставил палатки, а кто-то часами скорбно выстаивал под палящим солнцем или проливным дождем.

Со всех концов Советского Союза люди приезжали за надеждой.

Надеждой на излечение от рака. Необходимо учесть, что в те годы о пиаре и рекламе никто и не слыхивал, а журналистам и редакторам газет и в страшном сне не могло привидеться, что они опубликуют материал о враче, который берется лечить рак вот так — не в стенах онкологического диспансера, не операциями и химиотерапией, а какими-то непонятными древесными наростами... Однако надо отдать должное: хоть и наговорено много несусветной чуши о тех диктаторских временах, но власти не мешали, делали вид, что Масленникова как будто и нет, а очереди к нему — просто так, за советом. Тем более, врач работал в больнице, каждый день принимал обычных местных пациентов, а в свободное от работы время врачевал. Объяснял, что наработывает диссертацию.

И это было действительно так: Масленников по крупицам собирал данные об эффективности настоя чаги, который применял при лечении раковых заболеваний. Скрупулезно записывал диагнозы больных, свои назначения, результаты, через какой отрезок времени они наблюдаются. В его записях — сведения об эффективности настоя чаги при различных видах рака, бесценные выводы, когда и как помогает чага. Например, опухоли желудка и почек практически всегда поддаются лечению чагой, опухоли мозга — нет.

Годами Масленников отрабатывал концентрацию оптимального настоя чаги, экспериментировал с древесными грибами, росшими на рябинах и осинах. Архив Масленникова — диагнозы больных и результаты лечения — огромен.

И авторитет его, как врача, исцеляющего рак, — непреложен. Без единой публикации в прессе Масленникова знали везде. Адрес врача, написанный от руки или отпечатанный на машинке, переходил из рук в руки. Сарафанное радио — вещь неподкупная, лжи, вымыслов и фантазий там не бывает. Есть человек со страшной смертельной болезнью — и есть результат лечения именно этим врачом, именно этим средством, и факты подтверждаются постоянно. В архиве Масленникова есть сотни реальных историй болезни, которые закончились излечением рака.

Излечение чагой писателя Солженицына

Одна из таких реальных историй — заболевание раком известного писателя Александра Ивановича Солженицына и его **полное** излечение от этой страшной болезни.

В повести «Раковый корпус» Солженицын описывает свои скитания по онкологическим диспансерам, психологические переживания уже на грани между жизнью и смертью, пациентов

с таким же недугом, отсчитывающих последние месяцы, врачей-онкологов, и узколобых, и творчески направленных, и равнодушных, и наоборот, стремящихся помочь и сознающих собственное бессилие перед этим заболеванием.

РАКОВЫЙ КОРПУС СОЛЖЕНИЦЫНА

(отрывок из книги)

«...Всех собрал этот страшный корпус — тринадцатый, раковый. Гонимых и гонителей, молчаливых и бодрых, работяг и стяжателей — всех собрал и обезличил, все они теперь только тяжелобольные, вырванные из привычной обстановки, отвергнутые и отвергнувшие все привычное и родное. Нет у них теперь ни дома другого, ни жизни другой. Они приходят сюда с болью, с сомнением — рак или нет, жить или умирать? Впрочем, о смерти не думает никто, ее нет. Ефрем, с забинтованной шеей, ходит и нудит “Сикиверное наше дело”, но и он не думает о смерти, несмотря на то что бинты поднимаются все выше и выше, а врачи все больше отмалчиваются, — не хочет он поверить в смерть и не верит. Он старожил, в первый раз отпустила его болезнь и сейчас отпустит.

Русанов Николай Павлович — ответственный работник, мечтающий о заслуженной персональной пенсии. Сюда попал случайно, если уж и надо в больницу, то не в эту, где такие варварские условия (ни тебе отдельной палаты, ни специалистов и ухода, подобающего его положению). Да и народец подобрался в палате, один Оглоед чего стоит — ссыльный, грубиян и симулянт.

А Костоглотов (Оглоедом его все тот же прощательный Русанов назвал) и сам уже себя больным не считает. Двенадцать дней назад приполз он в клинику не больным — умирающим, а сейчас ему даже сны снятся какие-то “расплывчато-приятные”, и в гости горазд сходить — явный признак выздоровления. Так ведь иначе не могло и быть, столько уже перенес: воевал, потом сидел, института не кончил (а теперь — тридцать четыре, поздно), в офицеры не взяли, сослан навечно, да еще вот — рак. Более упрямого, вьедливого пациента не найти: болеет профессионально (книгу патанатомии проштудировал), на всякий вопрос добивается ответа от специалистов, нашел врача Масленникова, который чудо-лекарством — чагой лечит. И уже готов сам отправиться на поиски, лечиться, как всякая живая тварь лечится, да нельзя ему в Россию, где растут удивительные деревья — березы...

Замечательный способ выздоровления с помощью чая из чаги (березового гриба) оживил и заинтересовал всех раковых больных, уставших, разуверившихся. Но не такой человек Костоглотов Олег, чтобы все свои секреты раскрывать этим свободным, но не наученным “мудрости жизненных жертв”, не умеющим скинуть все ненужное, лишнее и лечиться...

Веривший во все народные лекарства (тут и чага, и иссык-кульский корень — аконитум), Олег Костоглотов с большой настороженностью относится ко всякому “научному” вмешательству в свой организм, чем немало досаждают лечащим врачам Вере Корнильевне Гангарт и Людмиле Афанасьевне Донцовой. С последней Оглоед все порывается на откровенный

разговор, но Людмила Афанасьевна, “уступая в малом” (отменяя один сеанс лучевой терапии), с врачебной хитростью тут же прописывает “небольшой” укол синэстрола, лекарства, убивающего, как выяснил позднее Олег, ту единственную радость в жизни, что осталась ему, прошедшему через четырнадцать лет лишения, которую испытывал он всякий раз при встрече с Вегой (Верой Гангарт).

Слепая вера Веги в науку наталкивается на уверенность Олега в силы природы, человека, в свои силы. И оба они идут на уступки: Вера Корнильевна просит, и Олег выливает настой корня, соглашается на переливание крови, на укол, уничтожающий, казалось бы, последнюю радость, доступную Олегу на земле. Радость любить и быть любимым...

...Многое должен пережить и передумать человек, прежде чем придет к такому пониманию жизни, не каждому это дано. Вот и Зоенька, пчелка-Зоенька, как ни нравится ей Костоготов, не будет даже местом своим медсестры жертвовать, а уж себя и подавно постарается уберечь от человека, с которым можно тайком от всех целоваться в коридорном тупике, но нельзя создать настоящее семейное счастье (с детьми, вышиванием мулине, подушечками и еще многими и многими доступными другим радостями). Одинакового роста с Верой Корнильевой, Зоя гораздо плотней, потому и кажется крупнее, осанистее. Да и в отношениях их с Олегом нет той хрупкости-недосказанности, которая царит между Костоготовым и Гангарт. Как будущий врач Зоя (студентка мединститута) прекрасно понимает “обреченность” больного Костоготова. Именно она

раскрывает ему глаза на тайну нового укола, прописанного Донцовой. И снова, как пульсация вен, — да стоит ли жить после такого? Стоит ли?..»

Немного предыстории. Мифы о болезни писателя в Интернете и воспоминаниях современников

Итак, давайте немного разберемся в истории болезни А. Солженицына, его отношении к собственному исцелению, мифах, которые возникли в публицистике по этому поводу.

Откровенная, «говорящая» фраза из «Ракового корпуса» о главном герое (а прототип главного героя Оглоеда — конечно, сам Солженицын) удивила меня.

«Но не такой человек Костоглотов Олег, чтобы все свои секреты раскрывать этим свободным, но не наученным “мудрости жизненных жертв”, не умеющим скинуть все ненужное, лишнее и лечиться...»

Чтобы понять эти слова, нужно знать характер Солженицына — подозрительный, закрытый, амбициозный, чуждый благодарности кому-нибудь и за что-нибудь. Именно о таких чертах Солженицына говорила его первая жена Наталья Решетовская, умершая не так давно. Она знала о заболевании мужа многое, знала — и вынуж-

дена была молчать. Потому что Солженицын крайне болезненно реагировал на любое упоминание о его недуге и выздоровлении... Одно время я даже сомневалась: а был ли рак у писателя? Не творческий ли это вымысел?

Уж очень разные версии перепечатают друг у друга газеты. Но сейчас могу сказать однозначно: заболевание было. Смертельное заболевание, опасное.

И надо отдать должное писателю — он мужественно встретил болезнь и победил ее.

Правда и вымысел о заболевании писателя

В поисках истины мне пришлось «прошерстить» массу информации — и везде она была разной. Никто точно не мог назвать ни какого вида злокачественная опухоль была, ни как ее лечили. Источники давали совершенно противоречивые сведения.

Да, писатель не любил журналистов, практически никогда не давал интервью, а уж упоминание о болезни — это было для него полнейшее табу. Да и кто осудил бы это? Человек, носящий в себе опухоль, как мину с часовым механизмом, отсчитывающим не то что месяцы — минуты жизни, вряд ли станет откровенно высказываться о своем излечении. Скорее замолчит, постарается забыть об этом, таким

образом надеясь перехитрить коварный недуг. Такой человек раним и уязвим, особенно когда с ним говорят о болезни. Вот выдержка из книги воспоминаний первой жены Солженицына Натальи Решетовской:

«...Все было бы хорошо, если бы меня оставило ощущение, что муж в чем-то неуловимо изменился. Что-то между нами было недоговорено.

Наконец, не выдержала и спросила его об этом...

— В нашем доме совершено предательство, — сказал он.

— Кем? — не веря ушам, воскликнула я.

— Мамой...???

Пока мы здесь в Рязани, он не скажет, в чем оно состоит. Потом, пожалуй, когда мы поедем в Ташкент...

Мама и... предательство?

Открытая душа мамы, ее искренность и самоотверженность и... предательство?!

Я сжалась. Покой был потерян. Пыталась готовиться к концерту, но ничего, ничего не выходило. Я была рассредоточена, рассеяна...

Как-то все же дожили до 17 марта — до нашего отъезда.

В три часа дня мы в столице Узбекистана. Гостиница “Ташкент”.

Не зря ли он сюда приехал — думает мой муж. Эти сомнения, высказанные мне в первый ве-

чер, не рассеялись у него и на следующий день, когда он уже побывал в онкодиспансере, ходил в белом халате, участвовал в обходе, но все же чувствовал себя “именитым гостем”.

Он лишний раз убедился, что невозможно и нелепо “собирать материал”. “Собирать материал” можно только своим горбом и не будучи (хотя бы для окружающих) никаким писателем. Иначе ты безнадежно сторонний наблюдатель, перед которым все притворяются или становятся на цыпочки.

Можно писать только о том, что пережил! — таково крепнувшее убеждение Солженицына.

Началось это в горький для меня день 23 марта. За окном лил дождь, то и дело переходящий в ливень.

— Ну, давай поговорим! — наконец, сказал мне муж.

Он посадил меня на одну из двух кроватей, стоявших через узкий проход одна от другой, пристально глядя на меня, стал объяснять, в чем состояло “предательство” моей мамы...

Она слишком откровенно говорила с одной посетительницей о здоровье, вернее, о болезни своего зятя.

Я не поверила.

— Как ты можешь быть в этом уверен? — спросила я. — Кому она сказала?..

Муж назвал мне фамилию.

Я растерялась. Этой женщине — профессору из Ленинграда я склонна была доверять, хотя не знала ее лично...»